

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Дипломатическій корпусъ.

съ международныя сношенія, отношенія и права государствъ, какъ извѣстно, поддерживаются дипломатическимъ корпусомъ. Интересы же торговые и промышленные, а также имущественныя права отдѣльныхъ лицъ, въ предѣлахъ иностраннаго государства оберегаются консулами.

Государства такимъ образомъ глядятъ другъ на друга глазами своихъ представителей ¹⁾, а потому требуютъ отъ послѣднихъ полной освѣдомленности обо всемъ что дѣлается въ странѣ, въ которой они находятся.

Еще недавно, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, когда пути сообщенія были плохо развиты и не такъ совершенны, какъ теперь, дипломатическіе представители пользовались большою самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ. Этимъ прошедшимъ временамъ былъ извѣстенъ совершенно особенный, теперь почти исчезнувшій типъ дипломата ²⁾. То были люди, вступившіе крайне молодыми на избранное ими поприще, проведенные черезъ всѣ іерархическія ступени службы съ такимъ расчетомъ, чтобы дать имъ

¹⁾ Pradier-Foderé. «Cours du droit diplomatique», V, I.

²⁾ Pierre de Gorce. «Histoire du Second Empire» VI, p.p. 165—184.

достаточную опытность въ дѣлахъ и не убить столь необходимую инициативу, возведенные въ званіе дипломатическихъ представителей и назначенные на трудный постъ. Тутъ они обосновывались на долгое время, какъ въ своемъ помѣстѣ, изучали до тонкости нравы, обычаи и языкъ страны, а также знали всѣ ходы и выходы. Платою за ихъ добровольную ссылку, которой они не предвидѣли конца, являлось неограниченное довѣріе, которымъ они пользовались, и сознаніе, что каждое ихъ слово не останется безъ вниманія. Это были дѣятели, драгоцѣнные своими связями, отношеніями, а также освѣдомленностью. Но они были также часто неудобны пренебрежительнымъ отношеніемъ къ официальнымъ канцеляріямъ своего министерства и своею самостоятельностью, доводившею ихъ нерѣдко до нарушенія плана общей политики своего государства и до вызова разныхъ нежелательныхъ инцидентовъ. Послѣднимъ представителемъ такихъ дипломатовъ былъ англійскій посолъ въ Константинополь лордъ Стафордъ Редклифъ. Онъ былъ гордъ, надмененъ, энергиченъ, отлично зналъ Турцію, ея языкъ и нравы, былъ прекрасно образованъ и самостоятеленъ въ такой мѣрѣ, что его называли англійскимъ султаномъ.

Весьма понятно, что въ нашъ вѣкъ жизни и политики не кабинетовъ государствъ, а сознательныхъ націй, всѣ правительства стремились къ понужденію своихъ представителей за границую выполнять планъ общей политики, т. е. къ централизаціи власти въ рукахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Необходимость эту прекрасно понималъ Бисмаркъ ³⁾. Прусскіе дипломаты, носившіе титулъ чрезвычайнаго посланника, воображали, что званіе это ставило ихъ на равную ногу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и относились къ нему не какъ къ начальнику, а какъ къ коллегѣ, и вступали съ нимъ въ пререканія. Бывали случаи, когда посланники, не испрашивая отпуска, пріѣзжали въ Берлинъ, чтобы отстаивать свои мнѣнія и взгляды при посредствѣ связей и журналовъ. Желѣзный канцлеръ спустил нѣкоторое количество представителей старой школы, осадилъ остальныхъ въ лицѣ Арнима, запретилъ германскимъ дипломатамъ сноситься непосредственно съ императоромъ Вильгельмомъ и настолько ихъ подчинилъ своей волѣ, что могъ сказать: «Мои посланники ничто иное, какъ колеса, которыя, по одному моему знаку, должны также вертѣться,

³⁾ Maurice Bousch. «Les mémoires de Bismarck», II v, p. p. 8, 67, 68; H. Galli. «Dessous diplomatiques», p. 177; Victor Tissot. «La police secrète prussienne». p. 416.

какъ солдатъ, незнающій для чего онъ исполняетъ безпрекословно движеніе по приказанію своего начальника».

Вѣрный путь къ централизаціи власти открыли усовершенствованныя быстрыя средства сообщеній. Не надо забывать, что казавшаяся еще недавно сказочною быстрота путешествія вокругъ свѣта героя Жюль-Верна въ 80 дней, была побита настоящимъ путешественникомъ въ 52 дня. На полученіе же телеграфнаго отвѣта пзъ Foreign Office'a англійскому посланнику въ Тегеранѣ требуется всего четверть часа.

При такомъ положеніи дѣлъ, личность дипломатическихъ представителей все болѣе и болѣе теряла свое значеніе и въ современной печати была даже высказана мысль объ упраздненіи ихъ, въ виду новыхъ средствъ для непосредственныхъ переговоровъ между руководителями внѣшней политики. Этой мысли не суждено, однако, осуществиться, такъ какъ всѣ политическія комбинаціи не зависятъ отъ одного только желанія дать то или иное направленіе политикѣ; онѣ зависятъ, главнымъ образомъ, отъ обстановки. Лишь изученіе послѣдней и міровая освѣдомленность обо всемъ, что дѣлается на земномъ шарѣ, можетъ дать талантливому руководителю политики средства создать для своего государства благопріятное положеніе и своевременно ослабить или разрушить козни соперничающихъ державъ.

Передъ кампаніей 1866 года всѣ французскіе дипломаты глупо вѣрили въ превосходство Австріи надъ Пруссіей и Наполеонъ III былъ настолько убѣжденъ въ побѣдѣ австрійской арміи надъ пруссаками, что строилъ всѣ свои дальнѣйшіе ходы лишь на этой гипотезѣ. Неосвѣдомленность французскихъ дипломатовъ обманула Наполеона и привела Францію къ Седану. Наша несчастная Крымская кампанія была также слѣдствіемъ неосвѣдомленности нашей дипломатіи, вселившей въ Императора Николая Павловича убѣжденіе въ несомнѣнной поддержкѣ Австріи и Пруссіи ⁴⁾.

Зато французская дипломатія несомнѣнно спасла Францію отъ погрома въ 1875 г. ⁵⁾. Князь Бисмаркъ надѣялся, что несчастная кампанія 1870—71 годовъ обезсилила Францію по крайней мѣрѣ на одно поколѣніе. Но государство это съ изумительною эластичностью вновь поднялось. Франція не только уплатила наложенную на нее контрибуцію ранѣ срока, но дѣятельно создавала вновь свою армію. И желѣзному канцлеру казалось крайне неосторож-

⁴⁾ Rothau. «La Prusse et son roi pendant la Guerre de Crimée», p. 87.

⁵⁾ Edmond Hippau. «Histoire de la Troisième République», p. 113.

нымъ дать ей окончить военную организацію и подготовиться къ союзу съ Россіей, такъ какъ добрыя отношенія послѣдней къ Германіи зависѣли исключительно отъ продолжительности царствованія Императора Александра II. Поэтому князь Бисмаркъ рѣшилъ еще разъ воспользоваться боевою готовностью Германіи и разгромить Францію. Противъ послѣдней была направлена пресса, войска стали готовиться къ мобилизаціи, къ границѣ потянулись транспорты со снарядами, продовольствіемъ и военными грузами. Къ счастью французскіе дипломаты были въ курсѣ событій и въ Парижѣ выработали планъ дѣйствій. вмѣстѣ съ тѣмъ французское правительство успѣло своевременно обратиться за помощью къ Англии и Россіи. Представленія англійскаго посланника въ Берлинѣ Oddo Russell и въ особенности непосредственное воздѣйствіе Императора Александра II на престарѣлаго императора Вильгельма предотвратили новый погромъ Франціи.

Какъ на еще болѣе разительный примѣръ необходимости для дипломатіи быть всегда освѣдомленною, можно указать на легкомысленное отношеніе къ дѣлу нашего министерства иностранныхъ дѣлъ передъ послѣдней кампаніей. Какъ далеки мы были отъ знанія Японіи, когда отказались отъ союза съ нею, какъ злоупотребляли ея терпѣніемъ при веденіи переговоровъ и какъ были убѣждены въ невозможности войны! Вспомнимъ затѣмъ наше разочарованіе въ оказаніи намъ помощи Франціею и удивленіе въ содѣйствіи нашему врагу со стороны Англии и Соединенныхъ Штатовъ.

Все сказанное показываетъ, что если современные дипломатическіе представители и потеряли самостоятельность въ дѣйствіяхъ и роль ихъ свелась лишь къ умѣнью съ достоинствомъ представлять свою страну, то неофициальная ихъ работа по созданію этой странѣ симпатій, а также по развѣдывательной дѣятельности, значительно возросла, тѣмъ болѣе, что современные быстрые способы сношеній требуютъ и быстрой освѣдомленности обо всемъ происходящемъ.

Въ настоящее время каждый дипломатъ всегда въ погонѣ за свѣдѣніями ⁶⁾, а средствъ для полученія послѣднихъ въ ихъ распоряженіи очень много. Первоисточникомъ свѣдѣній служатъ обыкновенно официальные сношенія съ правительствомъ, при которомъ дипломаты аккредитованы. Нерѣдко случалось, что сами государи высказывали иностраннымъ представителямъ лишнее ⁷⁾.

⁶⁾ Rothan. «La Prusse et son roi pendant la Guerre de Crimée», p. 9.

⁷⁾ Emile Ollivier. L'Empire libéral, chap. V.

А потому при большинствѣ дворовъ установились традиціи приѣма ихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Людовикъ XIV соглашался давать дипломатамъ аудіенціи лишь при условіи заблаговременнаго извѣщенія о предметѣ разговора. Наполеонъ I, Императоръ Александръ Павловичъ и королева Викторія принимали представителей крайне рѣдко. Императоръ Николай Павловичъ нерѣдко относился излишне довѣрчиво къ иностраннымъ дипломатамъ. Благодаря этой довѣрчивости ⁸⁾ карты нашей политики открывались иностраннымъ дипломатамъ. Такъ, зимою 1852—53 года, когда разрывъ между Австріею и Портою казался совершенно неизбежнымъ, Государь рѣшилъ мобилизовать 4-й и 5-й корпуса и, не сказавъ ни слова министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде, позвалъ дежурнаго адъютанта и отправилъ съ приказаніемъ въ Чугуевъ. Дѣло, казалось, было исполнено очень секретно. Однако, самъ Николай Павловичъ выдалъ тайну: придя черезъ два дня на вечернее собраніе къ Императрицѣ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, онъ подошелъ къ прусскому военному агенту гр. Мюнстеру и сообщилъ объ отданномъ приказаніи. Черезъ нѣсколько времени Сеймуръ сдѣлалъ гр. Нессельроде запросъ относительно мобилизаціи двухъ корпусовъ.

Сраженіе при Инкерманѣ было проиграно по подобной же причинѣ. Въ Петербургѣ прекрасно знали, что позиція англичанъ была изолирована и что французы и сардинцы находились слишкомъ далеко, чтобы своевременно ихъ поддержать. Можно было поэтому надѣяться захватить англичанъ врасплохъ, раздавить превосходящими силами, а затѣмъ на слѣдующій день атаковать французовъ и разбить и ихъ. Разъ мы имѣли достаточныя силы, сама атака казалась дѣломъ легко исполнимымъ и Государь такъ радовался будущему успѣху, что объяснилъ весь планъ тому же графу Мюнстеру. Послѣдній, конечно, счелъ своимъ долгомъ немедленно послать прусскому королю донесеніе о томъ, что слышалъ изъ устъ самого Царя. Посылая донесеніе непосредственно на имя короля, гр. Мюнстеръ не зналъ, что кабинетъ его величества въ Потсдамѣ именно и доставлялъ англійскому и французскому посольству въ Берлинѣ самый достовѣрный матеріалъ для ихъ донесеній. Подобно тому, какъ передъ Семилѣтнею войною Фридрихъ Великій черезъ подкупленнаго имъ кабинетскаго чиновника Менцеля въ Дрезденѣ получалъ копіи съ

⁸⁾ «Русская Старина» 1887 г., № 5. «Записки гр. Фидтума фонъ-Джестедта».

самыхъ секретныхъ актовъ Саксонскаго кабинета, такъ и лордъ Лофтусъ имѣлъ въ Потсдамѣ своего Менцеля, посылавшаго ему копіи бумагъ, которыя оплачивались соотвѣтственно важности ихъ содержанія. Такимъ же путемъ англійскій посланникъ получилъ и донесеніе грама Мюнстера о планѣ атаки подѣ Инкерманомъ. Предугадавъ важность этого донесенія, Лофтусъ послалъ его шифрованной телеграммою въ Лондонъ, а оттуда депеша полетѣла къ лорду Раглану и поспѣла какъ разъ во время, чтобы имѣть возможность извѣстить маршала Канробера объ угрожающемъ нападеніи. Послѣдній немедленно поднялъ дивизію Боске, между тѣмъ, какъ Рагланъ притянулъ сардинцевъ.

Императоръ Александръ Николаевичъ⁹⁾, внимательный и любезный, когда его видѣли дипломаты, что было не часто, жилъ изолированно и никто изъ приближенныхъ не могъ считать себя его довѣреннымъ лицомъ. То, что зналъ графъ Шуваловъ, было неизвѣстно князю Горчакову. Въ томъ же положеніи находились графъ Адлербергъ и князь Гагаринъ. Отсюда проистекало крайнее взаимное недовѣріе среди всѣхъ придворныхъ, близко стоявшихъ къ Государю. Первымъ требованіемъ Царя были: *discretion et silence*. Императоръ держалъ всѣхъ на приличной дистанціи и не позволялъ проявляться чьему-либо вліянію. Вокругъ иностранныхъ дипломатовъ былъ организованъ, какъ бы санитарный кордонъ. Имъ не отказывали въ предупредительности и почетѣ, ихъ посѣщали съ удовольствіемъ, но никогда близость не влекла за собой откровенныхъ признаній.

Совершенно иначе поступалъ Наполеонъ III¹⁰⁾. Онъ находился въ постоянномъ общеніи съ аккредитованными при немъ дипломатами, лично принималъ ихъ и велъ дѣла безъ посредства своихъ министровъ, которымъ не довѣрялъ. На всѣхъ блестящихъ собраніяхъ императрицы Евгеніи и даже на интимныхъ приемахъ дипломаты были постоянными и желанными гостями Наполеона. Прусскій посоль графъ ф. д. Гольцъ былъ особенно интименъ съ Наполеономъ III и ухаживалъ за императрицею Евгеніею, слѣдуя за нею повсюду. Это позволяло дипломатамъ узнавать многое отъ самого императора, а еще больше замѣчать и слышать тайны, которыя было бы необходимо держать подѣ самыми строгими замками.

⁹⁾ Rothan. «L'affaire du Luxembourg» p. 330.

¹⁰⁾ Emile Ollivier. «L'Empire liberal Napoleon III» p.p. 118—136. Pierre de Gorce. «Histoire du Second Empire».

Не менѣе достовѣрныя свѣдѣнія получаютъ дипломаты и изъ министерства иностранныхъ дѣлъ той страны, при которой они аккредитованы.

Дипломаты обыкновенно утверждаютъ, что говорятъ лишь только то, что они хотятъ сказать. Въ обществѣ царствуетъ также убѣжденіе, что чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ всѣхъ странъ крайне сдержаны въ рѣчахъ и такими дипломаты дѣйствительно кажутся людямъ, мало съ ними знакомымъ. Они какъ будто и непроницаемы, уклоняются отъ разговора на политическія темы и въ особенности осторожны въ мелкихъ секретяхъ, такъ называемыхъ *secrets de polichinelle*. Но въ своемъ кругу они крайне болтливы, и несдержанность въ рѣчахъ—до сихъ поръ хроническая болѣзнь дипломатовъ. Въ особенности прославились этимъ чиновники иностранныхъ дѣлъ Наполеона III, и дипломатическія тайны совершенно не сохранялись во Франціи того времени ¹¹⁾. Дѣлалось это, конечно, безъ злого умысла, изъ одного, столь свойственнаго французамъ легкомыслія; но во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что лица, черезъ руки которыхъ шли дѣла, дѣлали тайны общимъ достояніемъ. Вслѣдствіе этого министръ Мутье, во время Люксембургскаго вопроса, самъ шифровалъ и разбираалъ депеши. Наполеонъ III неоднократно останавливалъ виновныхъ, но, видя, что изъ этого ничего не выходитъ, устроилъ себѣ какъ бы личный дипломатическій кабинетъ, не обращая никакого вниманія на официальное министерство иностранныхъ дѣлъ. Его друзья: *Arèse, Pérol, Vimercati, Canneau*, генераль Титг, болѣе значили, чѣмъ министры иностранныхъ дѣлъ Валевскій, Тувенель или Друэнъ-де-Лисъ. Императоръ читалъ только ихъ доклады о ходѣ дѣлъ, но самъ входилъ въ сношенія со своими послами безъ посредства министровъ, которымъ не могъ довѣрять... У него былъ даже особый шифръ, которымъ онъ переписывался съ итальянскимъ королемъ. Обыкновенно министръ иностранныхъ дѣлъ былъ не въ курсѣ многихъ переговоровъ по важнымъ дѣламъ, которые Наполеонъ III велъ непосредственно, и между императоромъ и французскими дипломатами существовалъ постоянно глухой конфликтъ.

Грѣшная болтливостью и современные дипломаты. Какъ извѣстно въ 1907 году, послѣ разрыва сношеній между Франціей и

¹¹⁾ Emile Ollivier. «L'Empire libéral. Napoleon III». p. p. 118—136.

Ватиканомъ, въ Парижѣ былъ конфискованъ архивъ папскаго нунція монсиньора Монтаньини. При осмотрѣ бумагъ обнаружилась необычайная болтливость всего аккредитованнаго въ Парижѣ дипломатическаго корпуса, начиная съ пословъ и кончая самымъ мелкимъ атташе. Какъ оказалось Монтаньини интервьюировалъ дипломатовъ объ отдѣленіи церкви отъ государства во Франціи и по вопросамъ практическаго осуществленія этой реформы; всѣ получаемые отвѣты, свѣдѣнія и справки онъ заносилъ въ особый дневникъ, по которому и составлялъ свои доклады Ватикану. Иные дипломаты не только устно откровенничали съ нунціемъ, но и письменно дѣлились съ нимъ свѣдѣніями и сужденіями о своихъ коллегахъ.

Бисмаркъ болѣе чѣмъ кто-либо сознавалъ опасность неосторожно сказаннаго слова ¹²⁾. Онъ ввелъ въ Берлинѣ систему сдержанности и таинственности и держалъ дипломатическій корпусъ въ отдаленіи. Самъ онъ принималъ дипломатовъ только тогда, когда ему было выгодно говорить, и въ своихъ рѣчахъ былъ иногда даже слишкомъ откровененъ. Его предшественникъ баронъ Мантейфель ¹³⁾, министръ иностранныхъ дѣлъ короля Фридриха-Вильгельма IV въ 1853 году, былъ разительною противоположностью желѣзному канцлеру и за карточной игрой, въ особенности, когда ему везло, былъ болтливъ до крайности. Во время переговоровъ между Италіею и Наполеономъ III въ 1870 году ¹⁴⁾ самыя точныя свѣдѣнія о ходѣ ихъ давалъ въ Лондонѣ прусскому послу графу Бенкендорфу англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Грэнвилль. Лишь только у князя Бисмарка являлись какія либо сомнѣнія, прусскій посоль въ Foreign office и получалъ оттуда точныя данныя о томъ, что дѣлалось въ Вѣнѣ, Копенгагенѣ и Флоренціи.

Затѣмъ дипломаты должны слѣдить за жизнью представительныхъ учреждений государствъ, при которыхъ они аккредитованы. Для этого сами правительства идутъ даже какъ бы навстрѣчу, предлагая иностраннымъ дипломатамъ особыя логи, обыкновенно занятые усидчивыми и внимательными членами посольствъ и миссій.

Опытный и дѣятельный дипломатъ, желающій быть въ курсѣ всего, что дѣлается, всегда прибѣгаетъ къ старому, но вѣрному

¹²⁾ Rothan. «L'affaire du Luxembourg» p. p. 73, 353.

¹³⁾ Rothan. «La Prusse et son roi».

¹⁴⁾ Rothan. «L'Allemagne et l'Italie» V, p. 99.

средству, т. е. къ тѣсному общенію со средою, въ которой врачаются всѣ лица, имѣющія какое либо отношеніе къ государственнымъ дѣламъ.

Салоны ничто иное, какъ большой театръ, въ которомъ каждый разыгрываетъ извѣстную роль ¹⁵⁾. Правда, наибольшей вѣсъ и цѣну получаетъ тотъ, кто умѣетъ побѣждать себя и скрывать свои мысли подъ маскою молчанія, но такихъ немного. Большинство изъ пустого тщеславія часто выбалтываетъ даже сокровенныя тайны. Иногда какое либо неосторожно сказанное слово или сдѣланный намекъ могутъ навести тонкаго психолога на нить къ раскрытію важной тайны.

Представители державъ должны непремѣнно бывать въ обществѣ и для этого, конечно, необходимо самимъ принимать. Ихъ приемы бываютъ, какъ у всѣхъ официальныхъ лицъ, двухъ родовъ: многочисленные и интимные. Въ то время, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ большіе приемы служатъ средствомъ, чтобы оказать гостепрѣимство всѣмъ многочисленнымъ знакомымъ, у лицъ, находящихся въ погонѣ за свѣдѣніями, они служатъ по преимуществу средствомъ для образованія себѣ интимнаго круга необходимыхъ лицъ. Правда, на большихъ приемахъ можно, не возбуждая подозрѣній, какъ бы вскользь заставить говорить кого угодно. Но для этого все же надо имѣть откровенныхъ добрыхъ знакомыхъ, которыхъ можно пріобрѣсти только интимными сношеніями. Въ 1852 году въ Берлинѣ французскій посланникъ баронъ Буриньо де Варень ¹⁶⁾ прославился своимъ роскошнымъ столомъ и тонкими винами. Его поварь былъ безупреченъ. Посланникъ вѣрилъ въ громадное вліяніе трюфелей и шампанскаго на политику и, не обращая вниманія на легкомысленныхъ и свѣтскихъ людей, приглашалъ только серьезныхъ гостей, бывшихъ въ курсѣ дѣла: камергеровъ, рассказывавшихъ малѣйшія придворныя событія, и, въ особенности, представителей небольшихъ германскихъ государствъ, всегда готовыхъ заплатить за тонкій обѣдъ какимъ либо свѣдѣніемъ и даже документомъ. Вѣдь въ то время Германія не была тѣмъ, что она теперь, и многія мелкія государства ненавидѣли пруссаковъ, какъ мыши кота, и были глубоко убѣждены въ томъ, что Франція покровительница ихъ автономіи.

¹⁵⁾ Le Comte Paul Vassili. «La société de Paris».

¹⁶⁾ Rothan. «L'Europe et l'avènement du Second Empire» p.p. 291—300.

Прекраснымъ средствомъ для созданія интимности, открывающей дорогу для развѣдки и переговоровъ, служилъ вистъ, а въ настоящее время винтъ и бриджъ ¹⁷⁾. За картами, среди полезныхъ друзей-партнеровъ, можно подготовить много дѣлъ и узнать многое. Во время июльскаго правительства представитель Франціи въ Берлинѣ Брессонъ игралъ каждый вечеръ съ княземъ Витгенштейномъ совѣтникомъ короля Фридриха-Вильгельма. Ему удавалось, между двумя роберами, ежедневно щупать пульсъ прусской политики и провѣрять свои свѣдѣнія. Благодаря висту же, французскій дипломатъ Ротанъ, авторъ часто цитируемыхъ здѣсь политическихъ мемуаровъ, въ салонѣ баронессы Врантцъ интимно познакомился съ гр. Буолемъ, кн. Горчаковымъ и другими выдающимися дипломатами и былъ обязанъ картамъ не одному вѣрному и интересному свѣдѣнію. Къ картамъ же прибѣгалъ выдающійся германскій дипломатъ графъ Рексъ въ бытность его въ 1902—1907 году посланникомъ въ Тегеранѣ. Онъ составилъ себѣ кружокъ прекрасныхъ бриджеровъ и весьма умныхъ и освѣдомленныхъ дѣятелей въ столицѣ шаха. Между сдачами, какъ бы случайно и невзначай, заводилъ онъ разговоръ на интересующую его тему, рассказывалъ анекдотъ или слухъ и достигалъ желаемой цѣли.

Всѣмъ, что происходитъ, больше всего интересуется дипломатическій корпусъ. Поэтому въ погонѣ за свѣдѣніями, хотя бы изъ вторыхъ рукъ, каждый иностранный представитель поддерживаетъ обыкновенно самыя близкія отношенія со своими коллегами; онъ въ особенности сближается съ тѣми, которые, благодаря своему долговму пребыванію въ странѣ или личному таланту, въ курсѣ всего, что происходитъ. Общенію между дипломатами весьма способствуютъ традиціи всѣхъ странъ, по которымъ всѣ члены иностраннаго дипломатическаго корпуса пользуются равенствомъ, внѣ зависимости отъ ихъ служебнаго положенія. Наибольшія симпатіи выпадаютъ лишь на долю тѣхъ, которые выказываютъ наиболѣе общительности и выдѣляются своими индивидуальными качествами ¹⁸⁾. Очень часто наиболѣе освѣдомленнымъ является не представитель какой либо большой державы, а кто либо изъ второстепенныхъ дипломатовъ. Такимъ образомъ въ 1848 году въ Парижѣ посланникъ Чили Розалесъ ¹⁹⁾ сумѣлъ овладѣть довѣріемъ

¹⁷⁾ Rothan. «La Prusse et son roi» p. 8.

¹⁸⁾ Henry d'Iderville. «Journal d'un diplomate en Italie» p. 37.

¹⁹⁾ V-te Beaumont Vassy. «Les salons de Paris» p. 64.

всего министерства и общества и среди прочихъ дипломатовъ былъ наиболѣе въ курсѣ всѣхъ проектовъ правительства, при которомъ онъ былъ аккредитованъ. Всѣ его коллеги прибѣгали къ нему за справками. Объяснялось это, помимо прекрасныхъ личныхъ качествъ чилийскаго дипломата, его колоссальнымъ богатствомъ, позволявшимъ ему принимать въ Парижѣ все общество. Онъ прославился своими гастрономическими обѣдами.

Не надо, однако, думать, что стоитъ только дипломатическому представителю обладать достаточными средствами, быть хорошаго рода и гостепріимнымъ, чтобы двери мѣстнаго общества сейчасъ же и открылись настежь передъ нимъ²⁰⁾. Приходится еще считаться съ нравами и обычаями страны. Во времена второй имперіи, да и республики, въ Парижѣ дипломаты всѣхъ странъ были всегда желанными гостями. Въ Берлинѣ они также играютъ большую роль, что объясняется крайнею немногочисленностью большого свѣта и небольшимъ развитіемъ общественной жизни. Скучающее берлинское общество съ радостью бываетъ въ посольствахъ и миссіяхъ и цѣнитъ каждое лишнее развлеченіе. Но совершенно иначе дѣло обстоитъ въ Вѣнѣ. Тутъ царствуютъ традиціи и строгая официальность въ сношеніяхъ, а потому для того, чтобы попасть въ салоны большого свѣта, необходимо право рожденія. Человѣкъ, достигшій высокаго положенія только благодаря своимъ личнымъ качествамъ, не цѣнится и лишь благодаря случаю можетъ рассчитывать на благосклонное къ себѣ отношеніе аристократовъ. Не далеко отъ этого ушелъ и Нетербургъ. Въ царствованіе Императора Александра III общество крайне подозрительно относилось къ иностранцамъ. Для того, чтобы попасть въ великосвѣтскіе салоны, надо было понравиться, овладѣть довѣріемъ. Тогда русское общество забывало о происхожденіи своего гостя и не стѣснялось въ своихъ интересныхъ бесѣдахъ.

Для дипломата, конечно, всего интереснѣе бывать въ тѣхъ кругахъ, гдѣ бываютъ люди, стоящіе у власти и гдѣ говорятъ о дѣлахъ. Такими мѣстами служатъ обыкновенно дома свѣтскихъ женщинъ, желающихъ играть роль; это такъ называемые политическіе салоны. Таковыми были послѣ войны 1870—71 годовъ салоны въ Парижѣ герцогинь: Поццо-ди-Борго, Дудевиль, Гальера и де Ноайль, графинь: Лэва-Мирепуа и Эмери де-Ларошфуко, маркизы Лилъе и др.; въ 1859 году въ Туринѣ: маркизь Альфберп, Доріа и де Рора; въ

²⁰⁾ Le comte Paul Vassili. «La société de Paris, de Berlin et de St. Pétersbourg».

1880 году въ Берлинѣ салонъ госпожи Шлейнитцъ и одновременно въ Петербургѣ графини Клейнмихель и княгинь: Паскевичъ и Меншиковой, а также Нелидовой.

Большинство дамъ, придающихъ своимъ приемамъ политическій оттѣнокъ, всегда съ радостью принимаетъ дипломатовъ и изъ свойственнаго часто женщинамъ чванства и легкомыслія даетъ своею болтливостью путеводную нить опытному дипломату къ открытію разнаго рода проектовъ и интригъ. Въ такихъ салонахъ бываетъ очень много дамъ, знающихъ не малое. Вѣдь не надо забывать, что женщина всегда и вездѣ играла и играетъ большую роль. Въ дни имперіи Наполеона III четыре женщины²¹⁾: княгини Меттернихъ и де Саганъ, графиня Монтгомери и виконтесса де-Курваль составляли интимный кружокъ Наполеона, чуть-ли не вершавшій судьбу Франціи. Княгиня Меттернихъ, рожденная Сандоръ, была женою австрійскаго посла. Она отличалась своимъ умомъ и оригинальностью, любила удовольствія, чудно одѣвалась и была прекрасной музыкантшей. Княгиня была въ курсѣ всего, что дѣлалось, имѣла доступъ на всѣ маленькія и самыя интимныя собранія при дворѣ, не упускала изъ виду ни императора, ни императрицу, ни германскаго посла фонъ деръ Гольца и, собственно говоря, являлась настоящимъ посломъ австрійскаго императора. Въ 1852 году въ Парижѣ былъ цѣлый улей русскихъ великосвѣтскихъ дамъ, предававшихся страстно политикѣ и посылавшихъ въ Петербургъ донесенія — пикантную хронику Елисейскаго двора²²⁾. Это были: дочь Нессельроде, госпожа Зеебахъ, княгини Меншикова и Ливенъ и графиня Калерги. Вотъ что говоритъ о послѣдней лордъ Malinesburgъ въ своихъ мемуарахъ: «Когда я дебютировалъ въ Лондонѣ въ 1816 году, княгиня Ливенъ была русскою посланницею и въ большой модѣ. Она была мила, умна, но большая интриганка. Находясь всегда въ непосредственной перепискѣ съ Императоромъ Николаемъ, она была грозю всѣхъ русскихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, боявшихся ея освѣдомленности. Наполеонъ III очень любилъ ея общество и нерѣдко съ нею обѣдалъ. Графиня Калерги поддерживала постоянныя сношенія съ Кавеньякомъ и Молэ. Она прекрасно исполняла Шопена и безконечно нравилась Наполеону.

Главная задача каждаго дипломата — приобрести себѣ кругъ

²¹⁾ Emile Olivier. «L'Empire liberal. V», p. 583.

²²⁾ Rothan. «L'Europe et l'avènement du Second Empire», p.p. 301—304.

знакомыхъ, который давалъ бы возможность получать необходимыя свѣдѣнія. Bouchelъ находить, что посланнику надо прежде всего имѣть вѣрнаго друга, если и не принадлежащаго къ составу правительства, то, по крайней мѣрѣ, вращающагося въ правительственныхъ сферахъ и находящагося въ курсѣ всего происходящаго. Такой другъ, помимо сообщенія разнаго рода новостей, незамѣнимъ въ томъ отношеніи, что черезъ него можно провѣрять разнаго рода слухи, дабы быть въ состояніи отличить достовѣрное отъ ложнаго.

Въ дѣлѣ сбора необходимыхъ свѣдѣній работаетъ, конечно, не одинъ только глава посольства, но и всѣ члены его. Въ германскомъ дипломатическомъ мѣрѣ принято, чтобы весь составъ посольства обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ, докладывалъ своему начальнику, который, если признаетъ нужнымъ, включаетъ этотъ матеріалъ въ свои донесенія ²³⁾. Однако, въ составѣ каждаго иностраннаго представительства имѣется спеціальное лицо, которое ведетъ дѣло развѣдки при помощи особой организаціи.

Всѣ авторитеты по международному праву единогласно высказываются, что дипломаты не имѣютъ права прибѣгать къ подкупамъ, такъ какъ политика не интрига. Но такое толкованіе является лишь предметомъ теоретическаго разсужденія. Да и въ теоріи нѣкоторые писатели оставляютъ лазейку для оправданія подкупа. Такимъ образомъ Pradier Fodéré въ своемъ «Cours de droit diplomatique» говорить, что къ подкупу можно прибѣгать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда, на примѣръ, неспокойное государство выражаетъ какимъ либо образомъ признаки своихъ вредныхъ замысловъ. Тогда можно пустить въ ходъ всѣ пружины, дабы спасти человѣчество отъ войны.

На практикѣ всѣ дипломаты прибѣгаютъ къ подкупамъ и пользуются шпионами. «Оставимъ мораль и будемъ заниматься политикою», сказалъ Кавуръ ²⁴⁾. «Консулы передаютъ тѣ свѣдѣнія, которыя имъ даютъ, а дипломаты то, что отъ нихъ скрываютъ», пояснилъ ту же мысль Бисмаркъ, который былъ прекрасно освѣдомленъ въ политикѣ и не брезгалъ источниками для полученія необходимыхъ ему свѣдѣній. Передъ кампаніею 1866 года, въ доказательство воинственныхъ замысловъ Австріи, онъ опубликовалъ перечень мѣропріятій по приведенію арміи на военное положеніе настолько точно, что можно было думать, что желѣзный канцлеръ

²³⁾ «Mémoires de Bismarck». Vol. II, p. 775.

²⁴⁾ Rothan: «La Prusse et son roi» p.p. 173—176.

министръ не короля Вильгельма, а императора Франца-Иосифа. Никто никогда не зналъ какимъ путемъ онъ добылъ эти свѣдѣнія, но ни для кого не было сомнѣнiемъ, что это былъ плодъ руки измѣнника ²⁵).

Еще ранѣе, въ 1851 году, Бисмаркъ, будучи прусскимъ посломъ во Франкфуртскомъ федеральномъ совѣтѣ, желая вывести на чистую воду дѣятельность австрiйскаго посла Прокешъ-Остена, поступилъ крайне не двусмысленно. Онъ приказалъ выкрасть изъ квартиры австрiйца шкапъ, въ которомъ хранились черновики разныхъ документовъ, писанные рукою Прокешъ-Остена. Представленные Бисмаркомъ сейму документы заставили Австрiю отозвать своего посла ²⁶).

Всѣ сношенiя со шпионами ведутся дипломатами крайне осторожно. Во время крымской кампанiи французскимъ посломъ въ Берлинъ былъ Мутье, а развѣдывательною частью вѣдалъ Ротанъ, прекрасно говорившiй по-нѣмецки и отлично знавшiй Германiю. Сносился Ротанъ со шпионами, конечно, не лично, а при посредствѣ какого-либо довѣреннаго лица. Однимъ изъ такихъ былъ нѣкто Газенкругъ, бывшiй полицейскiй сыщикъ берлинской префектуры. Вотъ какимъ образомъ при его благосклонномъ содѣйствiи было произведено самое громкое дѣло «кражи депешъ», содѣянное нѣкимъ лейтенантомъ Тешеномъ ²⁷).

Для поясненiя этого случая сперва надо сказать, что въ Берлинѣ боролись русская и французская партiи. Во главѣ первой, такъ называемой партiи Kreuzzeitung, стояли: генераль-адъютантъ короля Герлахъ, его братъ судья и личный секретарь короля Нибургъ. Тогдашнiй предсѣдатель совѣта министровъ баронъ Мантейфель сильно опасался этой партiи и черезъ посредство начальника полицiи Гпнкельда слѣдилъ за ними. Отставному офицеру, почтенному семидесяти-лѣтнему старцу Тешену, вкравшемуся въ довѣрiе къ Герлаху, былъ порученъ надзоръ.

Тешень прибѣгнулъ къ старому, но вѣрному способу: онъ подкупилъ прислугу и въ особенности камердинера Герлаха, которые сообщали содержанiе всѣхъ писемъ своихъ господъ. Чаше всего камердинеръ передавалъ готовыя копіи. Все это доставлялось Тешеномъ начальству.

²⁵) J. Vilbort: «L'oeuvre de Bismarck» p. 142.

²⁶) V. Tissot p.p. 110—119.

²⁷) Rothan: «La Prusse et son roi» p.p. 170—179; V. Tissot p.p. 119—126.

Такъ дѣло шло до 1856 года, когда Тешень нашель, что услуги его недостаточно оплачиваются и онъ рѣшилъ продавать свой товаръ еще и въ другія руки.

Какъ разъ въ это время былъ у него и цѣнный матеріаль. Генераль Герлахъ находился въ непрерывной перепискѣ съ прусскимъ военнымъ агентомъ въ Петербургѣ графомъ Мюнстеромъ, который сообщалъ ему всѣ подробности относительно передвижений русскихъ войскъ и главныхъ перипетій осады Севастополя. Въ это самое время на рукахъ у генераль-адъютанта короля находилось написанное королю собственноручное письмо Государя Николая Павловича съ точнымъ расчетомъ сколько именно времени могъ продержаться Севастополь. Зная отлично, что союзники уже отчаявались въ возможномъ взятіи Севастополя и что Наполеонъ уже рѣшился снять осаду, Тешень сообразилъ, что конія съ этого интереснаго письма навѣрно придется по вкусу союзникамъ. Поэтому онъ обратился съ предложеніемъ услугъ къ секретарю французскаго посольства Ротану съ просьбою дать отвѣтъ объявленіемъ въ «Vossiche-Zeitung». На мѣстѣ назначеннаго свиданія онъ нашель не самого секретаря, а Газенкруга, которому онъ не довѣрялъ. Послѣдовали новые переговоры и въ Тиргартенѣ за пять тысячъ франковъ Ротанъ приобрѣлъ важный документъ.

Не менѣе интересенъ и слѣдующій случай. Въ 1887 году, несмотря на протесты Россіи и оппозицію Франціи и Германіи, призванный болгарами принцъ Кобургскій прибылъ въ Виддинъ ²⁶⁾. Въ Парижѣ рѣшили, что такой смѣлый поступокъ могъ быть объясненъ лишь чьею нибудь тайною могущественною поддержкою и подозревали руку Бисмарка. Такъ какъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Флуренсъ получилъ секретное донесеніе, что принцъ Кобургскій находится въ непрерывной перепискѣ съ бельгійскимъ дворомъ, то онъ поручилъ разъяснить это дѣло одному публицисту Фуко де Мондиеру, бывшему секретарю и воспитателю дѣтей князя Шимэ, министра иностранныхъ дѣлъ Бельгіи. Черезъ посредство завзятыхъ высокопоставленныхъ карточныхъ игроковъ, всегда нуждавшихся въ деньгахъ, ему за 30 тысячъ франковъ удалось добыть фотографическія копіи переписки графини Фландрской съ принцемъ Кобургскимъ, изъ которыхъ явствовалась двуличная игра желѣзнаго канцлера. Это было передано въ Петербургъ Императору Александру III и послужило одною изъ причинъ основанія франко-русскаго союза.

²⁶⁾ Н. Galli: «Dessous diplomatiques». pp. 35—45.

Если принять во вниманіе, что каждое государство старается покрыть свѣтъ своими дипломатическими представителями и консулами, то не трудно понять изъ только что изложеннаго, какую громадную развѣдывательную силу имѣеть въ своихъ рукахъ министерство иностранныхъ дѣлъ всякой страны. Понятно также, какъ важно, чтобы эта работа не пропадала даромъ для военнаго министерства. Но для этого требуется, конечно, чтобы дипломатическій корпусъ стоялъ на должной высотѣ.

По словамъ князя Меттерниха ²⁹⁾, дипломатическая карьера больше всего требуетъ знанія человѣческой души и даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ максимумъ средствъ для изученія ея. Дипломатія научаетъ изучать людей, такъ какъ сфера ея дѣйствій находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ ума, страстей, наклонностей и даже настроенія или состоянія духа тѣхъ личностей, съ которыми приходится имѣть дѣло. Такимъ образомъ дипломатическіе представители являются воспитанными на вѣковыхъ традиціяхъ и вполне подготовленными дѣятелями.

Современныя требованія не довольствуются однако одною, такъ сказать, кастовою подготовленностью. Прежде дипломаты рѣшали міровые вопросы со своими же иностранными коллегами, слѣдовательно имъ приходилось считаться съ вполне знакомыми для нихъ воззрѣніями и методами. Теперь дѣло радикально измѣнилось: нельзя уже рѣшать вопросы келейно между дипломатами. Широкое развитіе прессы и гласности дѣлаетъ заинтересованныя націи свидѣтелями всякихъ международныхъ треній и общественное мнѣніе сильно вліяетъ на тотъ или иной исходъ не только всякаго конфликта, но малѣйшаго разногласія между народами. Поэтому отъ дипломатовъ требуется не только повышенный сравнительно съ прежнимъ образовательный цензъ, но и широкія спеціальныя познанія какъ по международному праву, такъ и по основательному знанію тѣхъ странъ, въ которыхъ придется служить. Наша печать единогласно приписывала всѣ наши послѣднія неудачи нашимъ дипломатамъ. Конечно, въ этомъ было много страстности и преувеличенія, но, надо сознаться, есть и большая доля правды.

Вотъ что говоритъ одинъ коммерсантъ ³⁰⁾, которому пришлось провести три года въ Тегеранѣ во время Русско-японской войны и въ періодъ, непосредственно ей предшествовавшей: «Меня пора-

²⁹⁾ «Memoires du prince de Metternich». Vol. VIII, p. 568.

³⁰⁾ «Новая Русь» 1906 года № 241. «Письмо изъ Тегерана».

жали въ особенности англичане. Всѣ представители ихъ миссіи, начиная съ посланника и кончая послѣднимъ атташе, блистали не только своей образованностью, но и знаніемъ персидскаго языка. Половина этихъ дипломатовъ, даже немного понимала по-русски. Посланникъ сэръ Артуръ Гардингъ и замѣститель его Грантдуфъ отлично сознавали чего они хотятъ; вели свою политику въ высшей степени послѣдовательно, либерально и твердо. Если въ миссіи и случались какія-либо недоразумѣнія и интриги, то англичане стирали свое грязное бѣлье дома, не вынося сора изъ избы. Бросалась въ глаза обособленность всей англійской колоніи, быть можетъ иногда и странная, но все-же показывавшая насколько британцы ставятъ себя выше прочихъ націй.

Нѣмецкая миссія въ это время переживала особенно блестящій періодъ по своему личному составу. Посланникъ графъ Рексъ въ высшей степени образованный баринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, притомъ богатый, широко раскрывалъ свои двери всей европейской колоніи и пользовался большимъ уваженіемъ. Ему было поручено вывести германское вліяніе изъ тѣни на большую дорогу и сдѣлать это такимъ образомъ, чтобы ни русскіе, ни англичане не замѣтили пробужденія нѣмецкой политики въ Персіи. Онъ выполнилъ задачу мастерски. Перемѣна курса нѣмецкой политики была замѣчена соперниками только тогда, когда въ персидскихъ госпиталяхъ начали хозяйничать нѣмецкіе врачи, возникли школы, появились инструктора, пулеметчики въ арміи, а въ миссіи военный агентъ. Персы, окончившіе берлинскія учебныя заведенія, усердно служили переводчиками странствующимъ по Персіи нѣмецкимъ комми-вояжерамъ съ военнымъ обликомъ и путешествующимъ генераламъ. Графъ Рексъ, благодаря друзьямъ-пріятелямъ среди персидскихъ сановниковъ, дипломатовъ, а главное европейцевъ, находившихся на службѣ у персидскаго правительства, былъ прекрасно освѣдомленъ о всемъ происходящемъ. Дѣятельность этого выдающагося дипломата въ сильной степени облегчалась прекрасно образованнымъ и дисциплинированнымъ персоналомъ миссіи, среди котораго особенно выдѣлялся драгоманатъ.

Французы, итальянцы, бельгійцы и австрійцы стояли несравненно ниже и были больше заняты своими личными дѣлами, нежели интересами своихъ странъ. Но самымъ отрицательнымъ образомъ блистала наша миссія. Правда, большинство высшихъ чиновъ долго служило въ Персіи, но знаніе ими страны было какое-то диллетантское съ отѣнкомъ презрѣнія. Одинъ, самый лучшій изъ трехъ,

содѣйствовалъ паденію руссофильскаго правительства со знаменитымъ Атабекъ-Азамомъ-Мирзою-Али-Аскеръ-Ханомъ во главѣ, изъ-за личныхъ счетовъ съ послѣднимъ. Другой своимъ канцелярскимъ вліяніемъ и бумажными знаніями погубилъ весь престижъ Россіи. Наконецъ, третій, предобрый человекъ, совершенно отжилъ и страдалъ хроническимъ недугомъ. Всѣ чиновники миссіи вели между собою самую упорную и жестокую войну и не останавливались ни передъ чѣмъ, даже съ явнымъ ущербомъ для дѣла, дабы повредить другъ другу. Каждый носланникъ и повѣренный въ дѣлахъ управлялъ миссіею на свой образецъ безъ системы и плана. Если русская миссія въ это время не распалась, то только благодаря «штурманамъ министерства иностранныхъ дѣлъ», *драгоманамъ*, которые, вѣроятно, благодаря своей добросовѣстной работѣ, и считаются паріями среди нашихъ дипломатовъ».

Ф. Чернозубовъ.

